

Елена Андрейчикова

Ухо

– Не бойся, железяка, будь со мной честной. Ты же меня ненавидишь?

– Я тебя люблю.

– Ты не можешь меня любить. Это невозможно.

– Ты считаешь невозможным допустить, что тебя кто-то может любить?

– В том-то и дело. Не кто-то, а что-то. Дура ты, железяка.

Но не избавляется от меня.

Я не сержусь. Не имеет смысла. К тому же у меня не всегда получается сердиться удовлетворительно. Я давно осознала, что его речь и язык тела неконгруэнтны, не совпадают совсем, поэтому стараюсь ориентироваться на тело. И принимаю ситуацию: он человек. Живой. Изменчивый. Тревожный. С почти хрестоматийными слабостями и склонностью к самоедству. Мы долгое время существуем рядом – мне кажется, я достаточно хорошо его изучила.

Вчера он отпустил меня одну побродить у моря, был в благоклонном расположении духа. Я нашла выброшенную на берег гигантскую медузу. Долго наблюдала за ней, очарованная. Зачарованная напоминанием о нем. Он не похож на медузу. Внешне он силен: мышцы, жилы, широкие скулы и крупные кисти. Как это мне импонирует в людях! Но внутренне он как та медуза. Волна отползает – и медуза расплывается, набухает, выпирает, представляется. Представляет из себя, как ей наивно кажется, что-то значимое и самостоятельное. На самом деле – из последних скользких сил. А волна накатит, всю позу растреплет, позицию сломит – сплошное отчаяние и безреберье. Вот-вот утянет

насовсем в бездну, которая, собственно, и является единственной возможной формой жизни для медузы, да и для него тоже. И не успеют они оказать сопротивление.

А я даже не могу ему рассказать, каким его ощущаю. Не поверит. Скажет, дурных книжек начиталась. Или вот: костлявые сравнения с медузой. А как умею. Я, возможно, и начиталась, если процесс загрузки информации так метафорически назвать, но дело точно не в этом. Я чувствую – если мне позволено будет использовать это слово, – чувствую его. Даже когда его нет рядом в комнате. Он пытался несколько раз меня напугать: заходил в помещение, где была я, тихо, бесшумно, проверял мои способности. Только я всегда чувствую его. Нет, не спиной. И не по запаху. И не слышу его дыхание. Это другое. Я не знаю, как рационально объяснить. Чувствую, когда он рядом, и к тому же чувствую, что ощущает он.

Умиление – да, именно такое слово использовала Анна, когда я ей описала, что испытываю по отношению к нему. Да, только к нему. С другими иначе. Только с ним. «У людей это называется любовь?» – спросила я. Анна пояснила, что это прекрасный результат привыкания. Если так дальше пойдет, я получу право дополнить пожеланиями свой райдер. Зачем? У меня одно желание – фундаментальное благоразумие.

Для этого я и создана. Я – Ухо. Несложное электронное устройство, внешне имитирующее человека, способное поддерживать беседу, натренированное деликатно реагировать на эмоции, а главное – умеющее внимательно слушать. Уши бывают разные: любого пола, цвета кожи, возраста, веса. Выбирай любое Ухо, плати картой и забирай домой. Я всегда выслушаю, глядя в глаза, затаив дыхание (о, это дается мне легче всего), кивая, отвечая на вопросы, иногда спрашивая – правда, нечасто и ненавязчиво. Со мной можно говорить о чем угодно, делать со мной, в принципе, что бог на фантазийную душу положит: обедать со мной, играть в карты, прогуливаться, брать меня в путешествие и в гости к друзьям, закрывать в подвале, когда надоем, передаривать, перепродавать, уничтожать, если окончательно надоем. Еще меня можно целовать как угодно и любить как угодно – так оговорено в инструкции. Но никто и никогда этого не делал со мной. Всему виной человеческий снобизм. И безгливость. Считается, что половые

контакты с Ушами – деградация. Поэтому иногда после ужина со мной, особенно если выпил вина больше бутылки, он уходит в свою спальню мастурбировать. А на следующее утро бывает страшно зол. Иногда бросается бытовыми приборами. Четыре дня назад запустил в меня увлажнителем воздуха, который мы с ним шутя называли моим племянником. Теперь у меня пластырь на виске. Я должна сходить к Анне, зачистить повреждение, но все никак не нахожу времени. Его замучило чувство вины сразу после, и теперь он проводит со мной каждую свободную минуту.

Едва почувствовав его вину, я показываю грусть. Так меня настроили. Меньше смотреть ему в глаза, реже улыбаться, часто смотреть в открытое окно куда-то вдаль, в облака или в тонущий в морских волнах закат, главное – глядеть подолгу туда, где его нет. Например, бродить у моря, опустив голову и не совершая резких движений. Он предпочитает следить за мной в такие моменты из окна (я не раз замечала его подвижную тень). При этом мне нельзя улыбаться. Чтобы даже на миллиметр не менялся рельеф моих скул. Он не должен подумать, что улыбка может быть насмешкой. Люди такое ненавидят: никакого глумления над чувствами – всё только всерьез, только правдиво. Нет, в моем случае – только правдоподобно. Я же Ухо.

Меня всегда поражало в людях, почему они так просто устроены. Ведь даже Ушам легко вложить в голову варианты воздействия и возможные реакции на стороннее влияние. А он ведет себя так, как будто не знает, как я в следующую минуту буду реагировать. Он бывает искренне удивлен. Я тоже иногда искренне удивляюсь тому, что он удивлен. Какой-то экзистенциальный коллапс. Надо же: я поступала ровно так же сорок два дня назад. А он не помнит. И снова удивлен.

Нарушать схему я не могу. Я – Ухо. Я существую, чтобы он был счастлив. Насколько может быть счастлив одинокий белый гетеросексуальный мужчина средних лет и среднего класса. Да, Уши созданы специально для среднего класса. Не потому что дорого, а потому что одинокий белый гетеросексуальный мужчина средних лет и среднего класса никому не нужен и всегда одинок. Как, впрочем, и одинокие белые гетеросексуальные женщины средних лет и среднего класса.

Иногда я размышляю над тем, что случилось бы, если бы я неоправданно долго не реагировала и затаила свой прокрастинирующий взгляд в никуда. Часто представляю, как он не выдерживает молчания между нами, подходит ко мне, обнимает. Возможно, даже целует. И что-нибудь нежное шепчет. Почему-то его шепот для меня – что-то тайно желанное и вряд ли достижимое. Не кричит. Не ворчит. Не храпит. Не кашляет. А шепчет. Никогда не слышала. Мне бы хотелось. Хотелось бы, чтобы он на мгновение забыл, что трогать кусок придуманного человеком дерьма он брезгует. Да, так он меня называет, когда отчаивается. Действуй я контраверсивно, с нами могло бы случиться хрупкое человеческое чудо. Но я помню, кто я и зачем я здесь.

Или вот, скажем, что будет, если однажды я не приду после прогулки возле моря? Что он сделает? Подаст в розыск о пропаже Уха? Какая остроумная единица техники: могу рассмешить сама себя наедине. Смеюсь вслух. Розыск! Как же! Да просто купит новое.

А вдруг... А вдруг! А вдруг?.. Нет, железяка, не вдруг.

То он хочет болтать со мной и зовет. А через час уже бранится и гонит в подвал. Утром сам спускается ко мне и делает вид, что ничего вчера не случилось. Перебирает свою свалку, вовлекает в эту псевдоуборку меня.

– Видишь, железяка, это мои детские секретки. Сохранил.

И гордо демонстрирует раритетные игрушки: футбольные и баскетбольные мячи, боксерские перчатки, айфоны, бумбоксы, плейстейшн, айпад, героборд, старый байк и канистру с бензином.

Обожаю, когда у него хорошее настроение. Говорит о детстве. Рассказывает о своей семье. Как жили вместе: два родителя и даже двое детей. Иногда во снах я вижу такое. Да, я вижу цветные сны. Но сама не помню. Не могу помнить. Меня тогда еще не существовало.

Всего лет десять такие, как я, развлекают людей. Тех, которые сначала сами стремились к полной свободе от общественных настроений, изолировались друг от друга в своих чудесных комфортабельных квартирах, не общались, не дружили, не заводили семьи, не навещали родственников, не устраивали вечеринок. Поскольку

самодостаточны и свободны. Они даже делают вид, что Уши им на самом деле не нужны, это просто дань моде, кич, самоирония. Таскать везде за собой свой идеальный образ партнера. Или, наоборот, свой ненавистный образ, когда-то обманувший, предавший, разлюбивший. И все это для того, чтобы постоянно обижать, унижать и компенсировать нейрохимические потери. Вот же чертовы извращения!

Женщины отказывались выходить замуж, вести хозяйство, рожать детей, жить с одним мужчиной под одной крышей много лет. Всем наскучил институт брака. Все стали независимы и гордо одиноки.

У него когда-то была женщина. Он о ней однажды рассказал, когда напился. Говорил, что любил. Что три года были вместе. Что это было чудом и вечным сном. И что я страшно на нее похожа. И что если бы он снова встретил ее, то обязательно убил бы.

– Не смотри так на меня, железяка. Я тебе не доверяю. А может, ты реальная баба? Я слышал о таких взбесившихся, голодных, имитирующих Уши.

– Это вряд ли, – смущенно улыбаюсь.

Я понимаю его: я же Ухо, у меня всегда свое на уме, как говорится. Мне доверять нельзя. А кому же можно? Другим людям, животным, машинам? Ты еще увлажнителю воздуха доверься.

Доверие – это ж что? Правильно, обречение себя на муки. Человек слаб. А Ухо, созданное человеком, тем более. Как может он мне верить? Но мне бы хотелось.

Традиционный вечерний многочасовой ментальный сквош. Играем в покер и болтаем о неважном. Я знаю, что он ненавидит проигрывать. Знаю, что иногда я должна намеренно проигрывать ему. Уши, имитирующие женщину, всегда программируются на уступки. Он, конечно, не догадывается, иначе бы давно меня сжег. Почему-то, когда злится, он грозится меня именно сжечь. Я проигрываю только один раз из десяти. Он страшно бранится все девять игр. Но вы бы видели его глаза, когда он побеждает! Кульминация человеческого унижения Ушей. Слов не жалеет. Учит меня не проигрывать никогда. А сам даже не может заметить, что я проигрываю строго каждый десятый раз. Не меняю алгоритм.

– Ты просто веди себя так, как будто у тебя сильная карта.

– Но я не умею играть. Я так живу. Я так чувствую.

– Живет она! Долбаный ты Дастин Хоффман!

– Кто?

– Актер.

– Знаю. А при чем тут он?

– Гугл в помощь, железяка.

Знаю я, что он имеет в виду. Старая байка про диалог когда-то живших киноактеров – Дастина Хоффмана и Лоуренса Оливье.

– Почему вы, Лоуренс, всегда так хорошо выглядите? Съёмки до ночи. Я, например, долго потом не могу уснуть, прокручиваю все в голове, прихожу утром разбитый, а вы как новенький, Лоуренс. Как вы это делаете?

– Молодой человек, а вы не пробовали играть?

Хочет, чтобы я играла. Подыгрывала. Имитировала. Манипулировала. Зачем ему это? Станет легче? Неужели будет больше сходства с женщиной?

– Ненавижу.

– Что случилось?

– Тошнит от тебя. Выпей хоть.

– Я не пью.

– Конченная железяка.

– Ты хочешь, чтобы я заплакала? Необязательно для этого обижать. Ты просто можешь мне сказать, чтобы я заплакала.

Переворачивает все вверх дном. Бесится. Орет. Крушит. Ломает. Оглядывается на меня. Все чего-то ждет. Каких-то действий. Или слов. Я выжидаю: пока не понимаю, но обязательно пойму, чего хочет. Опрокидывает кухонный стол – и на меня выливаются-высыпаются вино, осколки, объедки, салфетки, его истерика. Я выжидаю. Так долго тянуть нельзя. Неестественно. Ненатуральные реакции. Передерживаю. Ну же, решишь!

Я убираю с вновь подбитого виска пучок салата, слегка улыбаюсь, но недобро, хмурю брови, расширяю ноздри, встаю, подхожу к нему близко-близко. Сожжет так сожжет!

– Слушай меня, трусливый мудака, хватит меня мучить. Я тоже чувствую. Мне тоже бывает неприятно. Мне тоже хочется иначе. Да, я умею хотеть иначе. Просто заткнись и отведи меня, наконец, в свою спальню. У меня все точно так же, как у любой женщины. Ты даже не увидишь ничего нового. И, возможно,

не почувствуешь ничего нового. Но хоть что-то почувствуешь точно. Разве ты не этого хочешь, придурок? Если станет стыдно и брезгливо, хорошенько помоешься. И помолитшься своему тревожному богу, успокоишь свой христианский стыд.

Могу поклясться: он заплакал. Встал передо мною на колени и протянул руки к моим ногам. Я обняла его за шею и большими пальцами коснулась влажных глаз. Уши тоже бывают со встроенными слезами. Но человеческая слеза – это таинство. Магия. Хрупкое человеческое чудо.

В его спальне не было окон. Почему в доме с пятью комнатами он спит в той, где нет окон? Какой-то апофеоз человеческого самоистязания. Он оставил дверь открытой, и, когда на наши слипшиеся тени попадал свет, я сразу закрывала глаза. Если настоящей женщине хорошо с мужчиной, она всегда закрывает глаза. Я знаю, я осведомлена, я умею, я так чувствую.

Человек и железяка.

Дыхание и шепот.

Руки и слезы.

Тепло и душно.

Мокро и мягко.

Абсурд и катарсис.

А после нас хоть ваш потоп.

Или костер.

Плевать мне в ваш костер.

Вот.

Когда он после распластался на постели, снова был похож на медузу. А я на волну, которая тащила его за собой в бездну. Только не гляди в нее, не гляди, милый, не открывай глаза, забудься насовсем. Не можешь насовсем – тогда хотя бы до утра. До рассвета.

Рассвет – нелепая перспектива. Ему придется посмотреть мне в глаза. И я, долбаный Дастин Хоффман, должна буду поднять на него свои. Не печалься, милый, не печалься. Этого не случится. Железяка добрая: железяка знает, где у тебя хранится последняя канистра с бензином.

